

К.И. Шарафадина, Н.В. Проданик

КУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА «ЧТЕНИЕ ВСЛУХ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ: ГЕНЕЗИС, «СЦЕНАРИИ», ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

***Аннотация.** Статья впервые обобщает традиции и концептуализирует феномен интонированного чтения как культурной практики, особо значимой в отечественной культуре 1800–1840-х гг. Авторы дают версию ее генезиса, дефинируют основные «сценарии»: чтение-обучение, чтение в кругу семьи и среди друзей, чтение как проявление чувств, чтение-знакомство с литературными новинками, декламация текстов в узком кругу как средство либеральной конспирации. Литературная репрезентация рассмотрена на произведениях К.Н. Батюшкова, А.С. Пушкина, Н.П. Огарева и множества мемуарных свидетельств XVIII–XIX вв.*

***Ключевые слова:** К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин, Н.П. Огарев, читательские практики, чтение вслух, «сценарии» интонированного чтения.*

Начало XXI в. ознаменовано двумя парадоксально взаимосвязанными событиями: в это время в обществе книга утрачивает свои лидерские позиции, уступая безграничным возможностям Интернета, и она же становится объектом пристального внимания специалистов-гуманитариев, среди которых культурологи и философы, историки, литературоведы и библиотековеды.

Острый интерес вызывает книга у современных российских, европейских и американских ученых, тому доказательство многочисленные конференции, симпозиумы, посвященные чтению, читателям и книгопечатанию, а также доклады, звучащие на этих научных площадках. Открывая международный симпозиум «История книги и литературных культур» (Лондон, 2005 г.), И. Уиллсон сформулировал его проблематику комплексно: ученым разных направлений необходимо видеть взаимосвязь истории книги и истории литературы, замечать, как эти две дисциплины обогащают одна другую [1. С. 39]. Несколькими годами ранее конкретнее прозвучали слова Дж. Равена, который утверждал, что современные

аналитические интенции должны быть направлены не только на изучение текста и интереса читателей к нему, но и «на изучение читательских практик, характера чтения и опыта индивидуального читателя»: сейчас необходимо «...ответить на вопросы не просто о том, кто читал и что читал, но – когда люди читали, где они читали, почему и... *как они читали*» (здесь и далее в цитатах курсив наш. – К.Ш., Н.П.) (цит. по: [2]).

Практикам чтения в их историко-культурной динамике посвящены монографии европейских и американских культурологов и социологов (например, [3]), а также статьи и монографии российских ученых. Назовем, прежде всего, имя А.И. Рейтблата и сошлемся на его статью «Чтение вслух как культурная традиция» [4]. Советских и российских исследователей, занимающихся практиками чтения, не столь много, ценной оказывается каждая работа. Полагаем, что достойно упоминания и учебно-методическое пособие Т.Ф. Завадской [5], где есть значительный по объему и глубине проработки материал, посвященный методике выразительного чтения в российском образовании. С точки зрения Т.Ф. Завадской, методические акценты в обучении выразительному чтению всегда были обусловлены культурными процессами, зависели от ориентации на религиозную (вплоть до XVIII в.) и светскую традицию (отчетливо заявившую о себе на рубеже XVIII–XIX вв.). Однако обучающие методики – лишь часть культуры чтения, а в XIX в. звучащий текст сопровождал человека всю жизнь – от детства до старости.

Выбор хронологического этапа для нашей статьи не случаен: именно XIX в. стал переломным в развитии читательской культуры, в это время совершался сущностный переход от чтения вслух к чтению «про себя» [6. С. 414]. И все же данное столетие ознаменовано не только сменой практик чтения. Прежде чем контакт с книгой стал безмолвным, случился своеобразный апофеоз прочтения текста вслух, при этом каждая такая ситуация была семантически насыщена.

Чтение вслух – это особая читательская практика. В ней речевая деятельность зачастую сопряжена с эстетической задачей (ин-

тонируемый голос читателя создает текст как эстетический объект – передаются нюансы авторского стиля, воссоздается ритмическая организация текста, акцентируются средства художественной выразительности). А.И. Рейтблат называет чтение вслух более привычной, близкой к речевому общению формой освоения текста и связывает отказ от устной коммуникации в пользу письменной с урбанизацией: «Господствующие на селе социальные структуры, базирующиеся на традиционных образцах поведения... тесно связаны с устным общением. Лишь в городе, предлагающем множество конфликтующих между собой образцов поведения, появляется потребность в таком универсальном посреднике, как печатное слово. Однако переход от устной коммуникации к чтению... занимает столетия и не завершился и к нашим дням. В ходе его получили распространение промежуточные формы, когда печатный текст воспринимается на слух» [4. С. 30].

М. Лайонс полагает, что появление феномена молчаливого чтения обусловлено мировоззренческими причинами: в конце XVIII – начале XIX в. на смену коллективному чтению-слушанию пришло чтение индивидуальное, оно продемонстрировало повышенное внимание к личной жизни человека, к его внутреннему миру [6. С. 414]. Думается, что причин, вызвавших желание читать «про себя», несколько, доля истины есть в суждениях и Рейтблата, и Лайонса; однако важно, что начало XIX в. стало временем сосуществования двух читательских практик: при умении и стремлении молчаливо читать люди ценили моменты «чтения вслух» в светском обществе и в дружеском кругу, дома и в литературных салонах.

Концептуализация понятия «чтение вслух», выявление его разновидностей и основных культурных «сценариев» в пушкинскую пору стали предметом нашего исследования.

Истоки звукового (интонируемого) общения с книгой Ю.М. Лотман усматривал еще в конце XVIII в., когда женщина-читательница «породила» ребенка-читателя. «Чтение книги вслух, а затем самостоятельная детская библиотека» – таков был читательский маршрут юных дворян [7. С. 62]. Во второй трети XIX в. старинный способ освоения грамоты (зазубривание названий букв

алфавита) был вытеснен новым, звуковым, и усвоение информации на слух стало ведущим способом обучения [8].

Чтение вслух как обучающая стратегия – одна из самых распространенных читательских практик в российской культуре начала XIX в. О дидактическом «сценарии» чтения современники оставили более всего воспоминаний, приведем некоторые из них.

Как правило, помогали ребенку освоить грамоту, а затем и побуждали его к чтению чаще родители [9. С. 99], вот как об этом свидетельствует Е.А. Сушкова: «... Прежде, бывало, матушка прочитает мне вслух, с расстановкой одну сказочку, потом я» [8].

Правовед Б.Н. Чичерин вспоминал, что отец знакомил его с русской литературой с четырех лет, собирая вокруг стола по вечерам всех домашних и читая им вслух басни Крылова, стихи Языкова, Карамзина, Дмитриева, отрывки из «Бориса Годунова» и др., а гувернантка, давая ему книги из собственного запаса, неизменным условием нередко ставила «читать вслух» [Там же].

Признаком хорошего воспитания было знание литературных текстов наизусть. Гордо звучит признание поэта Я.П. Полонского: «На стихи память у меня была отличная, восьми-девяти лет я знал уже наизусть лучшие басни Крылова, все сказки Дмитриева, монологи из комедий Княжнина и кое-что из трагедий Озерова. Читал я стихи вслух, и кому же? Моей няньке и всей безграмотной дворне, которая, как мне тогда казалось, слушала меня с большим удовольствием, даже ахала от удовольствия!» [Там же]. Чичерин описывает свой круг чтения, упоминая, прежде всего, русских авторов: «Кроме Крылова, нам с ранних лет давали сочинения Жуковского в стихах и в прозе. Я их читал и перечитывал... и многое твердил на память... Затем мне дали Карамзина, и я с увлечением прочел все 12 томов. ...Пушкина и Батюшкова выдал из своей библиотеки сам отец... Державина получил от учителя словесности» [Там же].

К 1840–1850-м гг. в российском образовании внимательное, осмысленное чтение и прослушивание материала целиком вытеснило практикуемое до этого бессмысленное заучивание больших фрагментов текста. Граф С.Д. Шереметев, учившийся в 1850-х гг.,

с удовольствием вспоминал о методе своего учителя, говорил, что тот отлично читал, в особенности Гоголя: «Урок заключался в следующем: сначала он мне сам читал, а вслед за тем я обязан был повторить все то, что я от него слышал. Это обязывало меня слушать со вниманием. К следующему уроку я должен был ему приготовить письменное изложение им прочитанного, по прочтении коего я вновь повторял ему все заданное...» [8]. И, как итог, учитель так сумел приохотить к чтению, что юный Шереметев «из кожи лез, чтобы заслужить у него хорошую отметку» [Там же].

Очевидно, что **выразительное чтение с листа или декламация текста наизусть становились способом «прививки» вкуса к отечественной словесности**; формирования у ребенка чувства родного языка: ведь аристократия говорила на французском, а после Отечественной войны 1812 г. и переориентации на национальный язык российская литература была единственным учебником¹. Так чтение вслух выступало средством включения ребенка в национальное и мировое культурное пространство.

Интонированное чтение было также особым занятием для семейного досуга: дети прислушивались к словам старших, к их учительному тону. В.А. Инсарский, сын уездного чиновника, вспоминал о жизни в Пензе в 1820-х гг.: «"Если случались зимние <...> вечера, когда мы не ходили в гости и к нам не приходили гости, когда мы не давали балов <...> и когда не давалось таких балов ни у кого из наших знакомых – тогда вечера эти посвящались чтению". Бывало это и в тесном семейном кругу. Отец вечерами "усаживал всю семью" вокруг большого круглого стола, за которым обедали и пили чай, читал вслух и *разъяснял непонятные места*» [4. С. 31].

Еще в XVIII в. издатели готовили новинки для семейного чтения *вслух*, акцентируя это в названии. Для примера упомянем сборник, озаглавленный «Забавные вечера, или Собрание нравственно-увеселительных детских сказок, *говоренных* наизусть по

¹ Учебники по грамматике запаздывали: издание Н.И. Греча «Практическая русская грамматика» вышло лишь в 1827 г.

вечерам» [10]; где в предпосланном тексту стихотворении говорилось о необходимости полезного чтения:

Младых Акининых сестр милая чета!
...Не столько телеса, как души украшати,
И тщитесь разум свой ученьем просвещати,
Прилежным чтением, в свободно время, книг
И что полезного есть, то замечайте в них...
На сей конец Вам суть и сказки подносимы,
Чрез кои детские умы руководимы,
К благотворению и нравов чистоте...
(«Младых Акининых сестр милая чета...») [10. С. 9].

Читали вслух не только сказки, но и историческую прозу российских авторов, а также французских, английских, и не только на русском языке, но и на языке оригинала. Помимо российских авторов, в семейный круг чтения входили Вольтер и Руссо, В. Скотт и А. Дюма. Вот с какой теплотой об этих вечерах говорил зоолог и писатель Н.П. Вагнер, увлекавшийся в детстве (в середине 1840-х гг.) романами А. Дюма, П. Феваля, А. Вельтмана: «Впечатление, производимое этими романами, еще усиливалось от того, что они читались, как новинки, в семейном кругу, где общий интерес захватывал каждого и увеличивался общим настроением» [4. С. 31]. Прочтенные вслух тексты приобретали особую эстетическую ценность, вызывали у ребенка острый интерес к событию, описанному в книге, развивали воображение.

Впрочем, детское чтение в некоторых семьях проходило родительскую «цензуру» (она разделяла литературу на полезную (и потому разрешенную) и «вредную» (запрещенную)). Девочкам, в первую очередь, была запрещена к прочтению «растрепанная литература» – в семье графини А.Д. Блудовой так называли романы Жорж Санд [9. С. 99]. Но запреты, конечно, нарушались, А.П. Керн, например, признавалась: «У нас была маленькая детская библиотека... и мы в свободные часы и по воскресеньям постоянно читали... Мне удавалось удовлетворять свою страсть к чтению, развившуюся во мне с пяти лет. Я все читала тайком книги матери моей...» [Там же. С. 97].

Нередко в дворянских семьях считали «неудобным» и Пушкина для подросткового чтения. Даже декабрист С.Г. Волконский своему пятнадцатилетнему внуку выдал для чтения по его просьбе издание «Евгения Онегина», предварительно отметив сбоку карандашом все стихи, которые он считал подлежащим цензурному исключению. Тот позже вспоминал: «Можете себе представить, как это было удобоисполнимо – при легкости пушкинского стиха перескакивать строчку» [8]. О практике заклеивания и замазывания чернилами пушкинских строк вспоминают и другие мемуаристы [Там же].

Если домашнее чтение было подвержено родительской цензуре, то **чтение в кругу друзей представляло максимально вольным**: как правило, среди «своих» вслух читались литературные новинки, вызывавшие острый спор. Так, А.В. Никитенко припоминал, «...что у драгун, квартировавших в 1818 г. в городе Острогожске Воронежской губернии, на вечеринках “всегда не последнюю, а часто и главную роль играло чтение... Тут я в первый раз услышал “Эдипа в Афинах” Озерова и познакомился с произведениями Батюшкова и Жуковского, которые тогда только что появились в свет. Мы буквально упивались их музыкой и заучивали наизусть целые пьесы...”» [4. С. 33]. Тексты не только прослушивали, любой из присутствующих мог остановить чтеца, задать вопрос, который становился импульсом для пылкого спора или просто разъяснительного разговора.

Известно огромное количество сценарных вариаций чтения в кругу друзей или приятных знакомых. Начнем с того, что читать можно было мужчине в женском обществе. Так, вышедший в отставку и уехавший в сибирское имение Г.С. Батеньков с упоением читал Жуковского соседкам-провинциалкам: «...Третьего дня девушки с удовольствием слушали, как я читал им Людмилу и Громобоя, они похвалили мое искусство, и я, пришед домой, прыгал от радости до тех пор, пока проклятые раны в моей левой ноге не доложили мне, что опоздал уже резвиться...”» [11. С. 113]. Талантливое чтение очень ценилось в обществе, человек, обладающий таким даром, был душой компании и всегда находился в центре внимания.

В среде поэтов сложились свои нюансы интонированного чтения: будучи проявлением творческой свободы, эти коллективные читки были рассчитаны на то, что слух друзей станет камертоном гениальности. Пушкин настаивал, что поэтический труд есть «пир воображенья» (А.С. Пушкин «К моей чернильнице», 1821) [12. С. 543], поэтому можно заключить, что дружеский «пир» с его многоголосьем идей, вдохновенным жаром речей, звучащим эхом поэтических строк – необходимые условия счастья и творчества:

Когда ж к тебе в досужный час
Друзья, знакомые сберутся,
И вины пенные польются,
От плена с треском свободясь –
Описывая в стихах игривых
Веселье, шум гостей болтливых
Вокруг накрытого стола,
Стакан, кипящий пеной белой,
И стук блестящего стекла.
*И гости дружно стих веселый,
Бокал в бокал ударя в лад,
Нестройным хором повторят.*

(А.С. Пушкин. «К Батюшкову») [12. Т. 1. С. 312].

Повышенная эмоциональность поэта, пафосно высокий тон его речей, юношеская опьяненность жизнью и упоенность чувством – все это требовало прорыва голоса вовне, а потому в кругу единомышленников (да и наедине) поэт читал вслух. Уже немного иронизируя над этой поэтической традицией, восходящей к подлинным дружеским пирам начала века, автор романа «Евгений Онегин» так расскажет о последнем чтении Ленского:

...При свечке, Шиллера открыл;
Но мысль одна его объемлет;
В нем сердце грустное не дремлет:
С неизъяснимою красой
Он видит Ольгу пред собой.
Владимир книгу закрывает,

Берет перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучат и льются. Их читает
Он вслух, в лирическом жару,
Как Дельвиг пьяный на пиру.
(А.С. Пушкин. «Евгений Онегин») [12. Т. 4. С. 108].

Действительно, чтение автором своих текстов воспринималось современниками не только восторженно: **графоманское сочинение, долго и нудно зачитываемое вслух, вызывало ироническую реакцию**, подобную той, что описывал К.Н. Батюшков, утомленный стихами «Свистова» – Хвостова и его единственного слушателя – беса:

Свои стихотворенья
Читает мне Свистов;
И с ним певец досужий,
Его покорный бес,
Как он, на рифмы дюжий,
Как он, головорез!
Поют и напевают
С ночи до бела дня;
Читают и читают
И до смерти меня
Убийцы зачитают!
(К.Н. Батюшков. «К Жуковскому») [13. С. 84].

Разговоры о литературе, обсуждение книжных новинок и даже вынесение им своеобразного читательского приговора – все это было обязательной темой светского общения как в столице, так и в провинции. Поддержать такой разговор должен был каждый. Как свидетельствуют авторы мемуаров, смех вызывали не только графоманы-поэты, но и поверхностные читатели: «Московская красавица княжна Урусова, безупречная во всем, кроме интеллекта, прославилась однажды тем, что на вопрос бального кавалера: “А что вы сейчас читаете?” – пролепетала: “Розовенькую книжечку. А сестра моя – голубенькую”» [8].

Особую страсть молодежь питала к запрещенным текстам, и чем суровее порой звучал цензурный приговор, тем притягатель-

нее была подобная литература для юношества. Как свидетельствует Я.П. Полонский, молодые люди передавали запрещенные тексты в рукописных тетрадках: «Пушкин в те далекие годы считался поэтом не вполне приличным. Молодежи в руки не давали стихов его. Но запрещенный плод казался дороже, как бы оправдывая стихи самого Пушкина: “Запретный плод нам подавай, / А без того нам рай не в рай”». По рукам гимназистов ходило немало рукописных поэм Пушкина. Так, не в печати, а в рукописных тетрадках удалось мне прочесть и “Графа Нулина”, и “Евгения Онегина”» [8]. «Крамольные» стихи и до трагических событий 1825 г., и после доходили до читателей через **практику «тайного» чтения вслух**. Н.П. Огарев в стихотворении «Памяти Рылеева» вспоминал о днях своей юности, овеянной стремлением к свободе и жертвенным подвигом декабристов:

Везде шептались. Тетради
Ходили в списках по рукам;
Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих свободы ради,
Таясь, твердили по ночам.

(Н.П. Огарев. «Памяти Рылеева». 1859). [14. С. 342].

Новый этап интонированного чтения наступает в 1820–1830-е гг., когда по известным причинам чтение вслух стало проявлением гражданской смелости, духовной свободы и, одновременно, средством либеральной конспирации. К примеру, как предполагают исследователи, известное послание «Во глубине сибирских руд...» («В Сибирь», 1827 г.) первоначально не было записано: поэт не мог доверить женщинам-«курьерам» столь опасный текст. В свою очередь, декабристы были знакомы с правилами распространения нелегальных материалов, а они гласили: «услышь – запомни – передай дальше», потому, вероятно, до наших дней не дошло ни одного раннего списка послания «В Сибирь». Пушкинисты считают, что «...первое время запретное стихотворение имело хождение среди декабристов *в устной форме* и только после того, как жандармский надзор за ссыльными постепенно ослабел, попало в их “заветные тетради”» [15. С. 61].

Знать многие тексты наизусть, цитировать их при случае в разговоре в XIX веке было не только проявлением начитанности и образованности, но и открытой (и потому опасной!) декларацией политических взглядов. Так, декабрист И.Д. Якушкин, создавая свои мемуары, упомянул о важной для него встрече с Пушкиным. Якушкин вспоминал: «Я ему прочел его Noel: «Ура! в Россию скачет», и он очень удивился, как я его знаю, а между тем все его не напечатанные сочинения: «Деревня», «Кинжал», «Четырехстишие к Аракчееву», «Послание к Петру Чаадаеву» и много других – были не только всем известны, но в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал их наизусть» [15. С. 34].

Но вот следом за мятежной юностью приходили зрелость и старость, и отношения с книгой вновь менялись: **теперь появлялся новый сценарий чтения – слуги, дети или другие домочадцы читали отдыхающим господам.**

Приведем несколько примеров: Е.А. Драшусова так вспоминала про своего деда-помещика: «Его настольной книгой были “Деяния Петра Великого” Голикова, и когда по воскресеньям собиралась к нему обедать его многочисленная семья, то нас, внучат, которых был легион, он заставлял по выбору прочитывать несколько страниц из его любимой книги <...>» [4. С. 34]. А.Е. Розен писал о том, как в 1810-х гг. в поместье «после обеда отец отдыхал с час, и, пока не засыпал, я должен был читать ему или газету, или из книги <...>» [Там же]. Комментируя эти мемуарные свидетельства, Рейтблат пишет: «Тут сказывался определенный культурный стереотип: чтение (а тем более вслух) расценивалось как работа, и, соответственно, исполнять ее должно было лицо, обладавшее более низким статусом: И.К. Зайцев, который был крепостным, в 1820-х гг. вспоминал про своего помещика: “Коли скучно ему, а читать лень или не может, посылает за мною; он уже знал, что я читаю недурно, и бывало по целым ночам читаю ему <...>”» [Там же].

Итак, Золотой век русской культуры был наполнен читательскими голосами. Для ребенка чтение, слышимое и контролируемое взрослым, становилось способом освоения национальной и, шире,

мировой литературы и культуры². Взрослея, дворянин декламировал ничуть не меньше: юношество с помощью звучащего слова открывало свои чувства (их спектр – от интимно любовных, дружеских до либерально гражданских). Безусловно, наедине с собой человек читал безмолвно, для этого он выбирал тенистые, укромные места сада: пейзажный сад или уголок усадебной природы с извилистыми тропинками оказывались своего рода «библиотекой» романтических текстов, аккомпанирующих человеческому чувству и уводящих в мир литературных ассоциаций; а «природа выступала катализатором чувств и размышлений читателя» [16. С. 126]. Вслух же читали в кругу друзей, в литературном салоне: поэты, озвучивая свои тексты, выносили их на суд строгих читателей-слушателей. Старшее поколение заполняло книгами домашний досуг и, хвастаясь перед соседями читателями-сыновьями, имело повод гордиться их успехами.

Ориентация на прочтение текста вслух в карамзинско-пушкинскую эпоху была заложена в самой природе книги. Напомним, в это время «почвой» письменной речи выступает речь устная, или, как говорил А.С. Пушкин: «Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре...» [12. Т. 6. С. 178]. Поэт считал, что в создании нового литературного стиля эпохи нельзя ориентироваться только на разговорную речь, но нельзя и отрицать, что именно она прибавляет тексту «живости» и «богатства». Новый жанр русской литературы – роман – был прямо нацелен на звучащее чтение: о работе над «Евгением Онегиным» Пушкин говорил в выражениях устной речи – «забалтываюсь донельзя» [Там же. Т. 9. С. 75], а призывая А.А. Бестужева «взяться за роман», советовал писать его «со всею свободою разговора» [Там же. С. 204]. Впрочем, не только романы или произведения иных литературных жанров были написаны с учетом устной традиции и потому легко прочитывались вслух; как

² Сославшись на Т.Ф. Завадскую, напомним, что в учебных заведениях этого периода – в Шляхетском корпусе, Царскосельском лицее, пансионах, гимназиях «...литература как самостоятельный предмет отсутствовала, преподавался “русский штиль”, куда входили грамматика, риторика и пиитика» [5].

считают исследователи, вся российская культура того периода была ориентирована «на разговор»: «...бытовое поведение, нравственные идеалы, характер социальных связей, политическая деятельность и литературная жизнь... проистекают из ориентации... на разговор» [17. С. 39].

Особенно властно стихия устного слова давала о себе знать в литературном салоне. Так, в петербургской гостиной Софьи Пономаревой произведения не просто впервые зачитывались авторами: после отзвучавшего текста наступало время для обсуждения и принятия решений – печатать ли текст в журнале А.Е. Измайлова или поместить в домашний альбом [18. С. 316]. Впрочем, и домашний альбом становится свидетелем салонных разговоров, в августе 1821 г. «...листы альбомов начинают заполняться записями не вполне обычного содержания. Они сохраняют следы бесед – непринужденных, иногда шуточных, чаще серьезных; вспышек неподдельного остроумия или мгновенных характерологических наблюдений. В этих застольных беседах слышится голос и Софьи Дмитриевны» [Там же. С. 335]. Как полагает В.Э. Вацуро, этими записями нельзя не восторгаться: «Удивительны эти записи, – читая их, словно слышишь обрывки разговоров стосемидесятилетней давности...» [Там же. С. 337]. О чем пишут в это время в альбомах? Безусловно, о литературе... Приведем лишь одну оригинальную литературную «реплику» С.Д. Пономаревой: «Как-то она заметила о Крылове: “...писал как Лафонтень, а превзойти его ему мешала лень”» [Там же].

«Краткость, фрагментарность и полиморфность разговора формировали не только такие запоминающиеся явления, как салоны, литературные кружки или рауты, но и общественный водоворот в целом: череду обедов, визитов, посещения театров, случайные встречи, балы и ужины, длящиеся до рассвета...» [17. С. 41]. Следствием этого светского полиморфизма устной речи стала полифония речи письменной, то, что пушкинисты называют «переключением интонаций», «стилистическим и стилевым разнообразием», «многоголосием» произведений [19. С. 50–56]. Ориентированная на устную речь, на природу разговора, речь литературная, книж-

ная, вполне естественно, нуждалась в озвучивании. Потому-то в этот период культуры чтение вслух было известно человеку любого возраста и пола, а жизнь в светском обществе предполагала довольно много его «сценарных» воплощений.

Сегодня после долгого молчаливого чтения феномен «чтения вслух» возвращается в социокультурную жизнь России. Как свидетельствуют Интернет-источники, «...чтение вслух становится в библиотеках все более популярным, и подтвердить это можно целым рядом примеров: в Петрозаводске муниципальные библиотеки ежегодно проводят акцию “Город читает детям”, в Челябинске – марафон “Челябинск читает детям”, Самарская областная детская библиотека в 2015 г. в шестой раз провела международную акцию “Читаем детям о войне”» [20]. С 2010 г. социально-культурную акцию «Международный день чтения вслух» (по традиции это первая среда марта) поддерживают и успешно проводят библиотеки, школы и университеты более чем в 50 странах мира. 11 ноября 2016 г. на You Tube был запущен проект онлайн-чтений романа «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. В нем были задействованы более 500 чтецов [21].

«Вернуть в жизнь» – такой девиз у многих онлайн-акций: первым читательским Интернет-марафоном стал проект «Каренина. Живое издание» (курсив наш. – *К.Ш., Н.П.*) (октябрь 2014 г.): более 700 человек из разных стран в прямом эфире прочли роман Льва Толстого. Затем провели грандиозные театрализованные онлайн-чтения «Чехов *жив*» (сентябрь 2015 г.). В декабре 2016 г. более 1300 человек со всего мира читали «Войну и мир» в прямом эфире. На протяжении более 60 часов трансляция велась в эфире телеканалов «Россия – Культура», «Россия 1», радиостанции «Маяк», а также в Интернете. «География» чтецов – от Нижнего Новгорода до Вашингтона.

Чем вызван сегодня повышенный интерес к интонированному чтению и прослушиванию классики? Возможно, некой усталостью от чтения «про себя» и для себя. Кроме того, новый этап культуры (сегодня говорят о метамодернизме / постпостмодернизме или псевдомодернизме) относится к книге не как к завершенному про-

дукту, а как к творимому (причем активно создаваемому всеми и мной; феномену, *живущему* в момент творения). Как заявляет А. Кирби, говоря о культуре современности, «по определению, продукт псевдомодернистской культуры не может и не существует без физического вмешательства индивида в его производство» [22]. В создании произведения (его озвучивании) все равны (читают текст артисты, режиссеры, домохозяйки, водители троллейбусов...), голос каждого важен для «общего дела», и этим общим делом является чтение вслух.

Литература

1. Уиллисон И. Вступительное слово на симпозиуме «История книги и литературных культур» // Новое литературное обозрение. 2005. № 73. С. 39–40.
2. Равинский Д.К. История чтения: раздвигая границы исследовательского пространства // Новое литературное обозрение. 2010. № 102. С. 308–315. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/ra27.html> (дата обращения: 05.07.2017).
3. История чтения в западном мире от Античности до наших дней. М. : ФАИР, 2008. 544 с.
4. Рейтблат А.И. Чтение вслух как культурная традиция // Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской поры. М. : Новое лит. обозрение, 2001. С. 30–35.
5. Методика выразительного чтения : учеб. пособие для студентов специальности «Русский язык и литература» / под ред. Т.Ф. Завадской. М. : Просвещение, 1977. 176 с. URL: <http://3-net.ru/sign/sign-470420.php> (дата обращения: 15.07.2017).
6. Лайонс М. Новые читатели в XIX веке: женщины, дети, рабочие // История чтения в западном мире от Античности до наших дней. М. : ФАИР, 2008. С. 399–442.
7. Лотман Ю.М. Женский мир // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Искусство-СПб, 2001. С. 46–75.
8. Бокова В.М. Отроку благочестие блюсти... Как наставляли дворянских детей. URL: http://www.booksite.ru/usadba_new/world/fulltext/boko/va/index.htm (дата обращения: 12.07.2017).
9. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М. : Ломоносовъ, 2012. 208 с.
10. Забавные вечера, или Собрание нравственно-увеселительных детских сказок, говоренных наизусть по вечерам / пер. с нем. яз. Санктпетербургского водоходного училища студентом Козмою Голубянским. Во граде св. Петра : печ. у Вильковского, 1789. 154 с.

11. Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Т. 1: Письма. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1989. 528 с.
12. Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Художественная литература, 1974–1976.
13. Батюшков К.Н. К Жуковскому // Стихотворения. М. : Худ. лит., 1977. С. 82–84.
14. Огарев Н.П. [Сочинения]. Стихотворения : в 2 т. Б. м.: б. и., б. г. Т. 1. 437 с. URL: <http://search.rsl.ru/ru/record/01005430294>
15. Альтшуллер М.Г., Мартынов И.Ф. «Звучащий стих свободы ради...». Очерки о читателях декабристской поры. М. : Книга, 1976. 120 с.
16. Проданик Н.В., Шарафадина К.И. Культурогенный ресурс библиологуса «чтение в саду» (на материале литературы и живописи конца XVIII – первой половины XIX века) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологий и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2017. № 1. С. 120–128.
17. Тодд III У.М. Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб. : Академ. проект, 1996. 306 с.
18. Вацуро В.Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры // Вацуро В.Э. Избранные труды. М. : Языки славян. культуры, 2004. С. 225–497.
19. Лотман Ю.М. «Чужая речь» в «Евгении Онегине» // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь : кн. для учителя. М. : Просвещение, 1988. С. 50–56.
20. Всемирный день чтения вслух // Централизованная библиотечная система города Ельца. URL: <http://cbse.ru/vsemirnyiy-den-chteniya-vsluh/> (дата обращения: 15.12.2016).
21. В эфире первый день Google-чтений «Мастер и Маргарита». URL: <https://www.youtube.com/watch?list=PLpObgN0-VtFtOrwN-VYt9pNMeSmxWp4kc&v=d20TVwVPqQc> (дата обращения: 15.12.2016).
22. Курби А. Смерть постмодернизма и то, что после. URL: <http://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism/> (дата обращения: 16.07.2017).

THE “READING ALOUD” CULTURAL PRACTICE IN THE RUSSIAN TRADITION: GENESIS, “SCENARIOS”, LITERARY REPRESENTATION

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2017, 15, pp. 72–90

DOI: 10.17223/23062061/15/5

Klara I. Sharafadina, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: belkaklara@mail.ru

Nadezhda V. Prodanik, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: omsk.nadezhda@mail.ru

Key words: K.N. Batyushkov, A.S. Pushkin, N.P. Ogarev, reading practices, reading aloud, “scenarios” of intoned reading.

The nineteenth century was a turning point in the development of readership: at that time, a gradual transition from intoned reading to “inner reading” was made, but before the contact with the book became silent, a special passion for reading aloud appeared among the noble people.

Formulation of the concept “reading aloud” in the 1800s–1840s, its genesis, semantic content and the main cultural “scenarios” became the subject of this study. The material for the study was the works of K.N. Batyushkov, A.S. Pushkin, N.P. Ogarev, as well as memoirs of their contemporaries.

In the literary and book-centric nineteenth century, reading aloud accompanied people all their life: the biography of the nobles began with intoned reading as a didactic device. As a rule, parents helped children to learn the alphabet and then encouraged them to read: in this regard, evening reading parties became one of the favourite forms of family leisure. Most memories of the contemporaries are about the didactic “scenario” of reading and family reading.

Reading in the circle of friends was a declaration of creative freedom and liberal views. Literary novelties and texts forbidden by censorship were read among the trusted ones. The recitation of texts by heart in a narrow circle was a means of liberal conspiracy and testified to the courage of civil views. In addition, a person who had the gift of expressive reading, was the soul of the company, he easily charmed women (reading aloud to the object of one’s love is considered to be one of the romantic reader practices of the early 19th century).

The disadvantage of reading was also known to culture: the graphomaniac composition, tedious reading aloud caused the ironic reaction of contemporaries.

Following the rebellious youth came maturity, old age, and with them a new scenario of reading appeared: servants and children read to gentlemen while they were having a rest. So the older generation filled home leisure with books and were proud of the success of the children-readers.

Thus, in the culture of the Pushkin era, intoned communication with the book was familiar to people of all ages, only its “scenario” incarnations and the literary tastes of the readers themselves changed with time.

The fascination with reading aloud at the dawn of the nineteenth century is explained by the orientation of artistic literature on colloquial speech. Oriented on a secular conversation, the literary text required a “reverse translation” – a sound expressive reading aloud.

Today, the return of the cultural phenomenon of intoned reading is explained by the desire to revive Russian classics, there is a reason why online initiatives have headlines: “Karenina. Live Edition” or “Chekhov Lives”. A. Kirby, speaking of the culture of modernity, says: “The product of pseudomodernist culture cannot and does not exist without the physical intervention of the individual in its production” (Kirby, A. *The Death of Postmodernism and Beyond*). In creating a work everyone is equal, everyone’s voice is needed for a “common cause”, and this common cause is reading out aloud.

References

1. Willison, I. (2005) Vstupitel'noe slovo na simpoziume "Istoriya knigi i literaturnykh kul'tur" [Opening Address at the symposium "History of the book and literary cultures"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 73. pp. 39–40.
2. Ravinskiy, D.K. (2010) Istoriya chteniya: razdvigaya granitsy issledovatel'skogo prostranstva [The history of reading: Pushing the Boundaries of the research space]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 102. pp. 308–315. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/ra27.html>. (Accessed: 5th July 2017).
3. Cavallo, G. & Chartier, R. (eds) *Istoriya chteniya v zapadnom mire ot Antichnosti do nashikh dney* [The History of Reading in the Western world From Antiquity to the Present]. Translated from French by M.A. Runova, N.N. Zubkov, T.A. Nedashkovskaya. Moscow: FAIR.
4. Reitblat, A.I. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoy kul'ture pushkinskoy pory* [How Pushkin Became a Genius. Historical and Sociological Essays on the Book Culture of the Pushkin Period]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 30–35.
5. Zavadskaya, T.F. (ed.) (1977) *Metodika vyrazitel'nogo chteniya* [Methods of Expressive Reading]. Moscow: Prosveshchenie. [Online] Available from: <http://3-net.ru/sign/sign-470420.php>. (Accessed: 15th July 2017).
6. Lyons, M. (2008) Noye chitateli v XIX veke: zhenshchiny, deti, rabochie [New readers in the 19th century: Women, children, workers]. In: Cavallo, G. & Chartier, R. (eds) *Istoriya chteniya v zapadnom mire ot Antichnosti do nashikh dney* [The History of Reading in the Western world From Antiquity to the Present]. Translated from French by M.A. Runova, N.N. Zubkov, T.A. Nedashkovskaya. Moscow: FAIRS. pp. 399–442.
7. Lotman, Yu.M. (2001) *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Talks about Russian Culture: Life and Traditions of the Russian Nobility (the 18th – early 19th centuries)]. St. Petersburg: Iskusstvo – SPb. pp. 46–75.
8. Bokova, V.M. (n.d.) *Otroku blagochestie blyusti... Kak nastavlyali dvoryanskikh detey* [For the Young Man to Observe Piety. How to Instruct the Noble Children]. [Online] Available from: http://www.booksite.ru/usadba_new/world/fulltext/boko/va/index.htm. (Accessed: 12th July 2017).
9. Pushkareva, N.L. (2012) *Chastnaya zhizn' russkoy zhenshchiny XVIII veka* [Private life of a Russian woman of the 18th century]. Moscow: Lomonosov".
10. Vilkovsky, E.K. (ed.) (1789) *Zabavnye vechera, ili Sobranie npravstvenno-uveselitel'nykh detskikh skazok, govorenykh naizust po vecheram* [Entertaining Evenings, or a Collection of Moral and Entertaining Children's Fairy Tales Told by Heart in the Evenings]. Translated from German by K. Golubyansky. Petersburg: Vo grade sv. Petra : pech. u Vil'kovskago.
11. Batenkov, G.S. (1989) *Sochineniya i pis'ma* [Works and Letters]. Vol. 1. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

12. Pushkin, A.S. (1974–1976) *Sobranie sochineniy: V 10 t.* [Collection of Works. In 10 Vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
13. Batyushkov, K.N. (1977) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 82 – 84.
14. Ogarev, N.P. (n.d.) *Stikhotvoreniya: V 2 t.* [Poems: In 2 Vols]. Vol. 1. [s.l.; s.n.]. [Online] Available from: <http://search.rsl.ru/ru/record/01005430294>.
15. Altschuller, M.G. & Martynov, I.F. (1976) “*Zvuchashchiy stikh svobody radi...*”. *Ocherki o chitatel'yakh dekabristskoy pory* [“A Verse for the Sake of Freedom ...”. Essays on the Readers of the Decembrist Period]. Moscow: Kniga.
16. Prodanic, N.V. & Sharafadina, K.I. (2017) Kul'turogennyi resurs bibliolokusa “chtenie v sadu” (na materiale literatury i zhivopisi kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX veka) [Culturogenic resource of the bibliolocus “reading in the garden” (a case study of literature and painting of the late 18th – early 19th centuries)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologiy i dizayna. Seriya 2. Iskuststvovedenie. Filologicheskie nauki – Vestnik of St. Petersburg State University of Technology and Design. Art Criticism. Philology*. 1. pp. 120–128.
17. Todd, W.M. III (1996) *Literatura i obshchestvo v epokhu Pushkina* [Literature and Society in the Era of Pushkin]. Translated from English by A. Miroyubova. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt.
18. Vatsuro, V.E. (2004) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 225–497.
19. Lotman, Yu.M. (1988) *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'* [In the School of Poetry: Pushkin. Lermontov. Gogol]. Moscow: Prosveshchenie. pp. 50–56.
20. Yelets Centralised Library System. (2016) *Vsemirnyy den' chteniya vslukh* [The World Reciting Day]. [Online] Available from: <http://cbse.ru/vsemirnyiy-den-chteniya-vsluh/>. (Accessed: 15th December 2016).
21. Youtube.com. (n.d.) *V efire pervyy den' Google-chteniy “Master i Margarita”* [The first day of Google readings “Master and Margarita” on the air]. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?list=PLpObgN0-VtFtOrwN-VYt9pNMeSmxWp4kc&v=d20TVwVPqQc>. (Accessed: 15th December 2016).
22. Kirby, A. (2017) *Smert' postmodernizma i to, chto posle* [Death of Postmodernism and Beyond]. [Online] Available from: <http://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism/>. (Accessed: 16th July 2017).